

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО

В.Н. Петрова (Томск)

Аннотация. Рассматриваются основные теоретические подходы к изучению образа возможного будущего, особенности формирования жизненных планов. Обсуждаются проблемы изучения его содержания и возможности интерпретации.

Ключевые слова: образ возможного будущего; жизненные планы; интерпретация содержания образа будущего.

Характеристики и содержание образа будущего определяют вектор развития и самореализации личности.

В отечественной психологии традиционно много места уделялось изучению образа будущего в контексте личности как субъекта деятельности [8, 13]; как особого «смыслового образования» [4, 5, 14]; наряду с этим одним из ведущих направлений признается изучение образа будущего в русле жизненного пути человека [1, 2, 16]; субъективное представление о времени рассматривается в работах В.И. Ковалева и др. [10]. Широкое практическое применение нашла также причинно-целевая концепция Е.И. Головахи, А.А. Кроника, в которой акцент делается не на выявлении содержания образа будущего, а на анализе межсобытийных связей [7]. Особенности организации психологического времени и временной перспективы изучали В.Г. Асеев, Т. Котле, К. Левин, Ж. Ньюттен и др. [3, 12, 15, 18].

В нашей работе мы исходили из понимания образа будущего как формы проявления самоорганизации человека, рассматриваемого в качестве открытой психологической системы. При этом образ будущего, на наш взгляд, оказывается тем интегрирующим фактором, с которым связаны решения проблем жизненного самоопределения, выбора жизненных сред, наиболее адекватных для самоосуществления и формирования жизненных стратегий. Человек предстает как психологическая система – особая пространственно-временная организация, реальная, открытая в мир культуры, в социум, в природу, способная к формированию и развитию образа будущего в процессе социализации, которая характеризуется активным протеканием как внешней, так и внутренней коммуникации.

При планировании исследования нам представлялось важным рассматривать не предполагаемые события или ситуации, а базовые интегративные характеристики образа будущего. Наиболее адекватным способом сбора эмпирического материала о содержании образа будущего мы считаем интервью и анализ текстов. В качестве одного из продуктов эмпирического исследования мы рассматриваем разработанную нами систему кодирования результатов. Она базируется на теоретической концепции коммуникативной природы образа будущего, а разработана на материале анализа индивидуальных протоколов, полученных в результате работы со всеми категориями субъектов, принадлежащих к разным

культурным и возрастным слоям (мужчины и женщины в возрасте от 19 до 47 лет, имеющие различное как по уровню, так и по содержанию образование). Более того, данная система кодирования обладает достаточной гибкостью и при необходимости может быть адаптирована для целей того или иного исследования. Система кодирования предполагала:

1. Структурный анализ, результатом которого стало определение следующих индикаторов:

- абсолютное число предельных категорий;
- абсолютное число узловых категорий, фигурирующих как ответы на два или более вопроса;
- индекс связности полученной структуры – отношение числа узловых категорий (служащих обоснованием более чем одной нижеследующей категории, т.е. точка, в которой несколько цепей сливаются в одну) к числу предельных;
- абсолютное число всех сформулированных категорий;
- средняя длина цепей;
- продуктивность – соотношение общего абсолютного числа неповторяющихся категорий, названных испытуемым, к числу исходных категорий.

Структурные индикаторы в совокупности отражают степень зрелости и развитости индивидуального образа будущего. Сформированный образ будущего отличается большим количеством узловых категорий, большей средней длиной цепей и более высокой продуктивностью.

2. Содержательный анализ (или контент-анализ), который был направлен на выявление сравнительной частоты встречаемости в протоколах тех или иных типов категорий. В рамках данного исследования мы рассматривали три типа контент-аналитических или содержательных количественных индикаторов.

Индекс децентрации – удельный вес в индивидуальном протоколе категорий, субъектом действия в которых выступают другие люди («чтобы дети жили лучше», «чтобы родственники не страдали» и т.п.). Он, на наш взгляд, показывает, в какой степени для субъекта собственное Я выступает абсолютным смысловым центром мира. В случае отсутствия децентрированных категорий мы можем говорить о том, что данный испытуемый не соотносит свои помыслы и действия с интересами других людей. Обычно удельный вес децентрированных

категорий колеблется в пределах 10% (примерно такова же доля рефлексивных и негативных категорий). Чаще всего это бывает ссылка на абстрактных «других», несколько реже – на детей, близких, окружающих и пр. Присутствие категорий такого рода мы понимаем как свидетельство того, что человек рассматривает свою жизнь в контексте жизни других людей и во взаимосвязи с ними.

Индекс рефлексивности – удельный вес категорий, описывающих не практическое действие, а психическое отражение («чтобы ощущать себя в безопасности», «чтобы знать, что происходит вокруг», «чтобы начальство ценило» и пр.). Сюда мы относим только те категории, в которых указано, пусть в самом общем виде, содержание соответствующих ментальных процессов. Так, например, категория «знать больше других» рефлексивной не является. Данные определения не обязательно имеют отношение к рефлексии в строгом смысле слова. Общий объединяющий их признак – все они описывают те или иные акты сознания в широком смысле слова, как собственно интеллектуально-рефлексивные (знать, понимать, сознать), так и непосредственно-чувственные (чувствовать, ощущать, помнить). Их присутствие интерпретируется как развитость внутреннего мира, осознание собственного ментального функционирования. Отсутствие таких категорий мы рассматриваем как симптом нарушений регулярных функций сознания по отношению к практической деятельности. Слишком же большое число данных категорий, напротив, свидетельствует о чрезмерной интеллектуализации, застревании на стадии планирования и обдумывания, наличии трудностей в переходе от замысла к воплощению.

Индекс негативности – удельный вес категорий, выражающих прямое отрицание («чтобы не опасаться будущего», «чтобы не остаться одному» и пр.). При этом мы не относим к данной категории высказывания, в которых отрицание не выражено грамматически, хотя по замыслу может и присутствовать («чтобы избежать трудностей» и т.п.) Данная характеристика отражает, на наш взгляд, гомеостатическую ориентацию личности, когда человек ограничивает всякую активность, не вызванную ситуативной необходимостью.

3. Проективный анализ – содержательная интерпретация смысловых цепей и структур в аспекте отражения в них глубины личностных особенностей смысловой сферы испытуемых.

В ходе исследования мы использовали открытый феноменологический подход к проведению и анализу интервью и диалектический подход к интерпретации текстов. Примененная нами модель интерпретации данных предполагает выявление следующих характеристик:

1. Структурно-динамические особенности и их критерии, выявленные с опорой на теорию мышления как процесса [6], а также на ряд понятий – «априорный», «вывод», «контекст», личностно-типологические стили [1].

2. Личностно-типологические параметры и их определения.

3. Процессуально-уровневые параметры.

4. Способы самоопределения субъекта при выработке образа будущего.

Для повышения достоверности данных нами также использовались методы реинтерпретации, естественного эксперимента (дискуссии), контент-анализа и др. [9].

При определении основных критериев проявления образа будущего были приняты за исходные теоретические положения о том, что в основе детерминации его формирования и развития лежат процессы производства психологических новообразований общесистемного порядка, порождение которых определяет характер и форму открытости системы во внешнюю среду (здесь, сейчас и конкретным образом). Среди таких новообразований, наличие которых можно было реконструировать, мы выделили смысловые образования, констатирующие факт соответствия определенных секторов предметного мира человека его потребностям и возможностям в настоящий и будущий моменты времени. При определении модальности смысловых образований мы опирались на выделенный в исследованиях О.М. Краснорядцевой особый вид смыслов, которые возникают на основе открываемой в предмете возможности организовать новую деятельность, отвечающую более высоким и значимым потребностям [11]. Предмет может удовлетворять актуальную потребность, при этом в личностном смысле устанавливается полезность этого предмета как его качество, открываемое в ходе деятельности. Одновременно этот же предмет может обретать и смысл, отражающий возможность трансформации исходной деятельности, направленной на удовлетворение потенциально существующей более значимой, ценной для человека потребности (например, потребности в творческой самореализации) [10]. Содержания и смыслы, сконцентрированные в образе будущего, оказываются, таким образом, связанными с характером и содержанием деятельности человека в настоящем. Данное положение подтверждается результатами проведенного нами контент-анализа, к обсуждению которых мы и переходим.

С целью более глубокой интерпретации эмпирических данных мы обратились к понятию контекста: в узком смысле это более глубокое содержание высказывания или части текста, в широком смысле – любые событийные, ситуативные условия, характеристики взаимоотношений со значимыми другими, содержащиеся в образе будущего. Содержание контекста отражает психологически переработанную и отраженную в характеристиках личностного опыта пережитую жизненную ситуацию. Активизация контекстов определяет наличие внутреннего диалога между прежним и новыми смыслами и значениями, т.е. характеризует процесс развития образа будущего.

Целью нашего эмпирического исследования стало выявление закономерностей экспликации образа буду-

щего как ментального образования посредством анализа интенциональности его описаний и их целевой ориентации, контент-анализа, анализа психосемантического пространства личности. Определялся общий потенциал образа будущего, типы невербальных представлений об образе будущего. В результате были выявлены и описаны базовые характеристики образа будущего.

Принципиальная особенность проводимого нами контент-анализа заключалась в сопоставлении феноменологических данных с психодиагностическими, полученными в ходе применения дополнительных методов исследования [17]. В результате проведенной экспертной работы по анализу содержания текстов и рисунков нами было выделено порядка 75 тем и подтем, наполненных некоторым смыслом и содержанием. Затем некоторые из них были объединены в синонимические группы. Первичный анализ полученных данных заключался в определении процента встречаемости тем в описаниях образа будущего.

Результаты контент-анализа позволили выделить из 75 сформулированных тем сочинений и рисунков наиболее встречаемые и, следовательно, наиболее нагруженные содержанием для испытуемых. К ним относятся: активное участие в воспитании собственных детей и внуков в отдаленном будущем (58,16%); энергичность (57,27%); интенсивное профессиональное самоопределение в настоящем (54,54%); субъектная позиция по отношению к собственному будущему (50,9%); гармоничное сочетание прошлого, настоящего и будущего (48,18%); проработанные планы на ближайший год (43,63%); структурированность образа будущего (40,9%) и др.

При анализе количественных показателей применялись различные методы статистического анализа:

1. Метод сравнения долей и частот для исследования зависимости дискретных порядковых переменных от качественных номинальных переменных.

2. Метод центроидного кластерного анализа для установления меры связи между признаками. В «ядре» кластерной структуры будут находиться признаки с самой сильной взаимосвязью. Затем ищется признак, наиболее связанный с «ядром» и т.д., последним к дендрограмме присоединяется признак, наименее связанный со всеми остальными признаками.

3. Метод группирующего кластерного анализа (по Уорду), который позволяет организовать формальные классы категорий, объединяемых по критерию частотной встречаемости, их интерпретация основана на гипотезе о том, что формальные классы соответствуют семантическим классам, а это позволяет сравнивать все параметры по всем признакам. Для процедуры кластерного анализа очень важным является выбор метрики (алгоритма вычисления меры сходства между объектами). Нами использовалась наиболее распространенная Евклидова метрика, удобство которой состоит в ее применимости ко всем типам переменных – признаков.

4. Метод анализа таблиц сопряженности по критерию Пирсона χ^2 , который вычисляется на основе сравнения разности между фактической и ожидаемой частотой встречаемости переменной.

5. Дисперсионный анализ по F-критерию Фишера для установления зависимости количественных скалярных признаков от качественных номинальных и установления достоверности различий.

6. Ранговый дисперсионный анализ Краскела – Уоллиса для установления зависимости дискретных порядковых (ранговых) признаков от качественных номинальных.

7. Факторный анализ данных – для выявления четких количественных закономерностей в развитии и функционировании изучаемых феноменов.

Результаты дисперсионного анализа позволили обосновать выделение базовых характеристик образа будущего. В качестве таковых мы приняли следующие:

- Протяженность или глубина.
- Насыщенность и степень структурированности.
- Субъектность в построении образа будущего.
- Аффективная установка (позитивная или негативная) по отношению к образу будущего в целом.
- Доминирующая направленность на реализацию или отсрочку реализации образа будущего.
- Наличие спонтанности в реализации образа будущего.
- Готовность к неопределенности и риску в процессе реализации образа будущего.

Результаты анализа эмпирического материала позволяют сделать вывод о чрезвычайной сложности организации внутреннего пространства образа будущего (объективированность образов, взаимопереход внешних и внутренних характеристик, субъективность оценок, поливариативность). Будущее в целом существует в форме его ожидания и готовности его осуществить. Характерной особенностью пространства образа будущего является его многомерность, которая возникает в результате интеграции в нем объективных и субъективных измерений. Будущее неразрывно связано с прошлым и настоящим. Будущее содержится в структурах настоящего в виде намерений, опасений, надежд и пр. Оно выполняет структурную и смыслонаделяющую функции по отношению к прошлому и настоящему.

Диалогическая структура образа будущего предполагает его открытость, способность вместить новые элементы, произвести новую структуру и содержание, видоизмениться в процессе собственного существования. При этом важна не столько субъективная или объективная новизна образа будущего, сколько ее личностная значимость.

В современных условиях сложность прогнозирования конкретного будущего личности определяется нелинейностью развития общества в целом, трудностью построения долгосрочных планов. Поэтому особенно важной становится не столько диагностика конкретного

результата в виде уже сформировавшихся качеств личности, сколько изучение самого процесса продвижения личности в желаемом и возможном векторе или векторных направлениях. Суть стратегии построения образа

будущего, на наш взгляд, заключается в следующем: сам способ его создания должен обеспечивать оптимальное использование движущих механизмов и ослаблять действие любых факторов сдерживания и сопротивления.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Психология личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 299 с.
2. Ананьев Б.Г. Избранные труды по психологии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
3. Асеев В.Г. Личность и значимость побуждений. М.: Ин-т психологии РАН, 1993. 224 с.
4. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Academia, 2007.
5. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
6. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Ин-т психологии РАН, 1994. 108 с.
7. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984.
8. Зинченко В.П. Время – действующее лицо // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 36–55.
9. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
10. Ковалев В.И. Личностное время как предмет психологического исследования // Психология личности и время: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч.-теорет. конф. Черновцы, 1991. Т. 1. С. 4–8.
11. Краснорядцева О.М. Особенности динамических характеристик ментального пространства иммигрантов // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 163–172.
12. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. 368 с.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Академия, 2004. 345 с.
14. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.
15. Ньютен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2007. 705 с.
17. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 346 с.
18. Cottle T.J. Perceiving time: a psychological study with men and women. N.Y.: Willey, 1976. 267 p.

THE QUESTION OF THE POSSIBILITIES THE FUTURE MODEL'S CONTENT INTERPRETS

Petrova V.N. (Tomsk)

Summary. In the article there are considered the main theoretical points of view to future model's studying, the life plans forming specific. Are discusses the problems of the studying its content and the interpretation possibilities.

Key words: the future model; life plans; the future model's content interpretation.